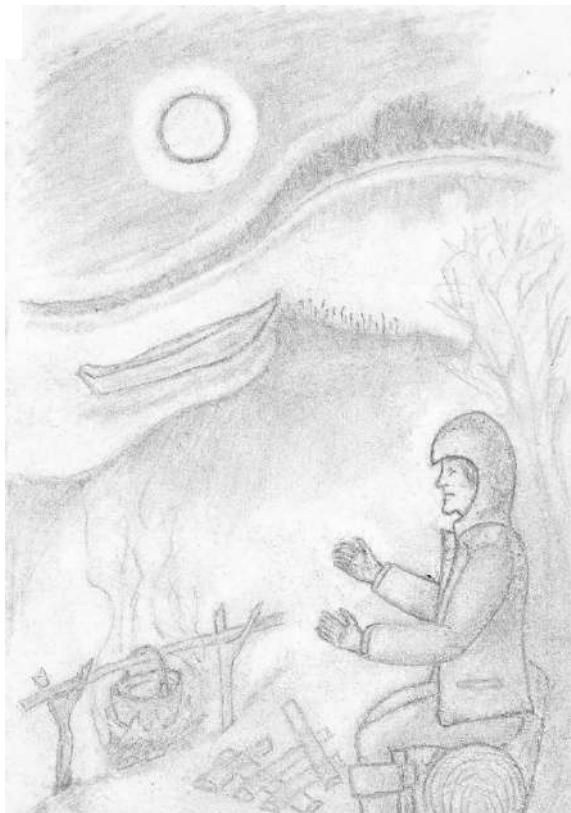

Александр
КРИВОНОСОВ

**РАЗМЫШЛЕНИЯ У
ТАЁЖНОГО КОСТРА**

А.Кривоносов

РАЗМЫШЛЕНИЯ У

ТАЁЖНОГО КОСТРА

с. Подгорное

2010 год

ББК 84(2Рос-Рус)
К82

Кривоносов А.М.

Размышления у таежного костра: стихи.- Подгорное., 2010.
– 120 с.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражаю огромную благодарность Скворцовой
Нине Гавриловне и Центральной районной
библиотеке с. Подгорного за помочь в
редактировании книги.

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Максимович Кривоносов – коренной сибиряк, родился в с. Подгорное 1955 г. в нарымской стороне на реке Чая. Окончил школу в с. Подгорном, затем Тогучинский лесхоз-техникум. После распределения работал в Красноярском крае и снова вернулся домой, в Чаинский район. Трудился в лесхозе, а сейчас он инженер-лесопатолог, наблюдающий за здоровьем лесов в нескольких районах Томской области.

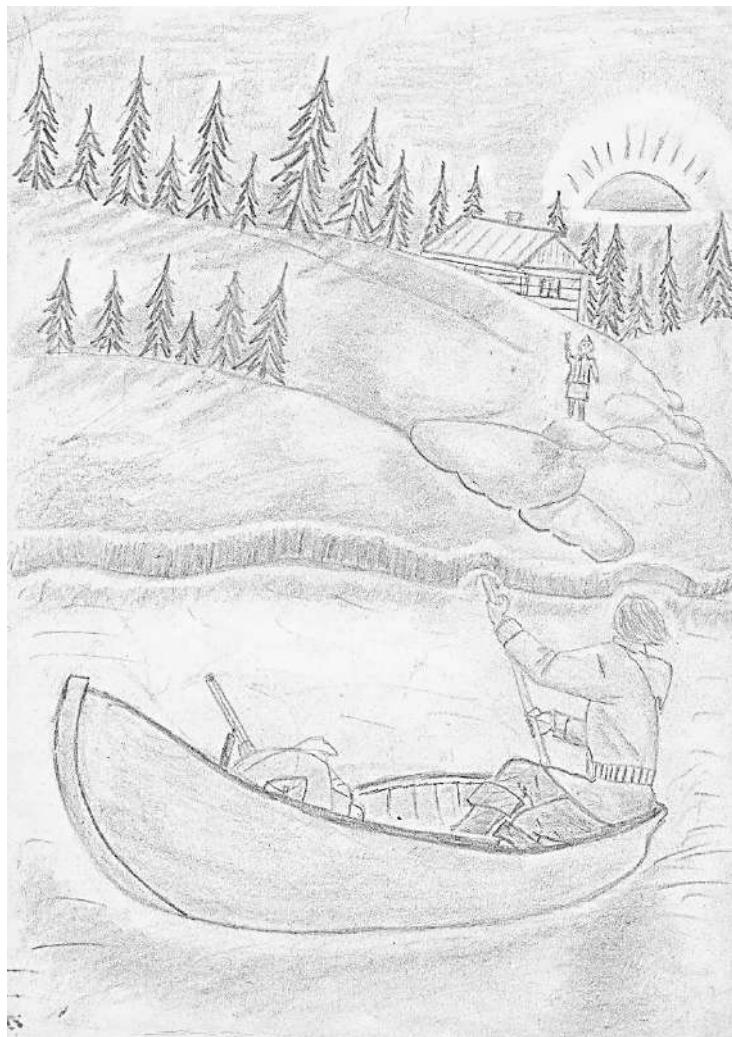
Вот такая простая биография, которая укладывается в несколько строк. Но человеческая жизнь при всей простоте не уложится даже в книгу. Мы нередко слышим такую фразу: «Человек интересной судьбы». Про Александра Кривоносова точно можно сказать: у него счастливая судьба, потому что прожитую жизнь он занимался и занимается тем, что любит. Лес заманил его, завлек, очаровал и влюбил в себя, когда Александр был мальчишкой и с отцовским ружьем истоптал все окрестные болота и урманы вокруг Подгорного. Он не выбирал, на кого ему учиться после школы. Лес выбрал его сам. Сибирская тайга – не только его работа, это и душа, и страсть, и сама его жизнь. Все образы и метафоры, описания лесного бытия им не выдуманы, не срисованы с чьих-то баек. Эти стихи прожиты строчкой за строчкой, как пройдены просека за просекой. Они выстраданы тяжелейшими лесными переходами, наполнены эмоциями от встреч «глаза в глаза» с лесным зверем. Стихотворные строки ложились ему на ум «сами», во время тихих размышлений у таежного костра и под лямкой 50-килограммового рюкзака, когда, изнемогая от усталости надо было отвлечься, чтобы из последних сил «дотянуть» до ночлега.

На стихи Александра Кривоносова наш местный композитор Виктор Коршунов написал несколько песен, лучшие были отмечены на областных и межрегиональных конкурсах. «Афганский вальс» вообще стал «визитной карточкой томских воинов-интернационалистов, этой песней они открывают каждую встречу.

Все, что пережито, передумано и перелито в поэтическую строку вошло в книгу, которую Вы держите в руках. Она – своеобразный итог, веха человеческой, мужской судьбы. В ней стихи разных лет – от впечатлений юности до глубоких раздумий о сегодняшнем дне – о жизни своей и народной, о судьбе человеческой и всей нашей Родины.

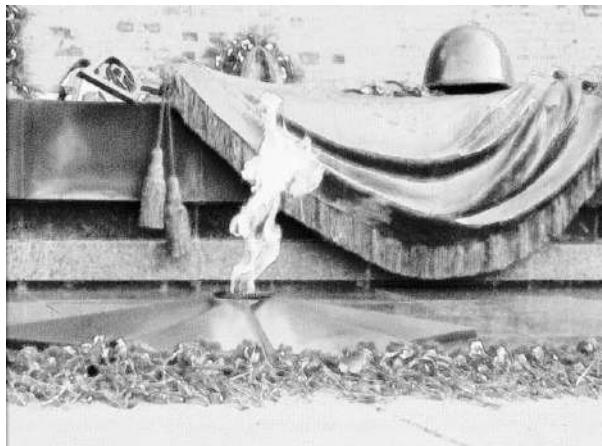
Вадим Уткин, член Союза журналистов РФ

ОХОТА – СТРАСТЬ МОЯ,
ТАЙГА – МОЯ РАБОТА.

1 ДОЛГПАМЯТИ

Ветеранам Великой Отечественной войны посвящается...

ДОЛГ ПАМЯТИ

От нас уходят ветераны
Второй Великой мировой.
Кого-то источили раны,
Оставленные той войной.

Кому-то вышел срок терпенья,
Что предначертан был судьбой,
Лишив навеки вдохновенья
Бороться с собственной бедой.

Они уходят незаметно,
Не потревожив никого.
И мы скорбим, но безответно,
О людях, победивших зло.

Скорбим, того не сознавая,
Что в этом наша есть вина,
Лишь потому, что забываем
О них. И в этом вся беда.

Сильней, чем горло жмёт удушье,
Чем боль перенесённых ран,
Их поражает равнодушье
Страны, которой Ветеран

Так верил, сильной и могучей,
Чьей были верные сыны,
О ней, счастливой и цветущей,
В сырых окопах снились сны.

Пред ними, новая Россия,
Твой долг останется в веках,
Земля, которая доныне
Вся в обелисках и крестах.

Она пропитана их кровью-
И тех погибших, и живых.
И здесь не место пустословью,
Да много ли осталось их?

Они уходят и поныне

В текучей паутине дней...
Вот и не стало дяди Димы,
Соседа с улицы моей.
Его еще из детства помню-
Всегда в заботах и труде...
Ты и его полита кровью...
Ему где долг, страна, твой, где?
И тем, немногим ветеранам,
Которые еще живут,
И верят всем твоим обманам...
Жди. Скоро и они уйдут.
И что останется потомкам?
Немало их уже сейчас
Цепляют свастики обломки,
Величье видя в тех крестах.
А мы о прошлом забываем,
Как будто нет его у нас.
О ветеранах вспоминаем -
Лишь в День Победы, только раз.
Так почему ж нам, поколению,
Потомкам славных тех отцов
Все недосуг принять решенье:
Дать им пожить, в конце концов.
Дожить... и,
сновость на алтарь положив,
Не обмануть и не предать,
Не дать аванс, не обнадежить,
А долг заслуженный отдать.
Чтоб для грядущих поколений
Святою стала та беда,
Их помнить будут наши дети,
И дети внуков, вот тогда...
Под флагом бело-сине-красным,
Вернет Россия – Славу, Честь,
И все, что было – не напрасно,

Пока о прошлом память есть.

Май 2000 г.

Солдатам трудового фронта посвящается...

ХЛЕБ

Кончалась жатва. Хлеб убрали,
Но среди поля тут и там
Меж куч соломы колоски стояли,
От тяжести согнувшись пополам.
Бригада поле покидала,
Скрываясь в собственной пыли,
А ту солому, что осталась,
Чтоб было чисто – подожгли.
Тем часом, рядом по опушке,
Дорожкой, что накоротке,
Домой в деревню шла старушка
Вся в чёрном, с посошком в руке.
И с болью женщина смотрела,
Седые обнажив виски,
Как на поле в огне сгорали
С соломой вместе – колоски.
А память сразу уносила
К далёким, страшным временам,
Где смерть всех голодом косила
И ели хлеб, с корою пополам.
Где детям снились не игрушки
И даже не сама война,
А хлеба чёрного горбушки
И неба синь. И тишина.
Ей болью в сердце отзвался

Далёкий, стойкий Ленинград,
Где все, кто мог, с врагом сражался,
Где каждый житель был солдат.
Пусть не стрелял из автомата,
Штыком врага он не разил,
Но был он у станка солдатом,
Работал он. А главное – он жил!
Да, жил! Когда свинцовые метели
На них обрушивали шквал,
Когда металл, кирпич горели,
Горело всё, а он стоял.
И слабой детскую рукою
Свой старенький станок включал,
Чтоб над блокадною Невою
Гром канонады замолчал...
Всё разом память оживила,
Как будто было лишь вчера...
И с болью тихо обронила:
«Ведь это хлеб... Ему цена...
Да что ж вы, люди, позабыли,
ту, хлебу нашему, цену,
Как братья головы сложили
За хлеб?...Разруху?.. Целину?
Тот хлеб, добытый кровью, потом,
Который всю страну кормил,
Когда стояли против пол-Европы -
Ему спасибо, что ты жив.
И вдовам тем, что из последней силы
За плугом шли, чтоб хлеб для фронта дать...
Вот почему для нас он символ,
Священный и святой,

как Родина, как Мать

ТИШИНА

Над «нейтралкой» стоит третий день тишина.
Не пылают багряных пожаров закаты,
И в окопы глядит одиноко луна,
Где усталые спят после боя солдаты.
Снится им дом родной, где-то там вдалеке
От вжимающих в землю разрывов гранат,
И улыбки тревожат их губы во сне,
И бывалых уже, и безусых солдат.
Но не верь тишине, так коварна она,
Так зловеща она в эти дни фронтовые...
Охраняя покой крепко спящих солдат,
Чутко слушают ночь на посту часовые.
А назавтра опять грянет яростный бой,
Разорвётся опять тишина на рассвете,
Но закроют они всю Россию собой
Потому, что солдат за Отчизну в ответе.
Обелиски стоят на местах тех боёв,
Травы скрыли навек след жестоких пожарищ,
Но приходят сюда, чтобы встретиться вновь
Фронтовые друзья, где лежит их товарищ.
И застыли в строю, орденами звеня,
Снова болью живут уж зажившие раны
И, поникнув, стоят у Святого огня,
Слёз своих не тая, той войны ветераны.

Май 1985 г.

Ребятам, прошедшим пекло
Афганистана, посвящается...

АФГАНСКИЙ ВАЛЬС

Снова в парке с берёз осыпаются листья,
Снова осень кружит золотой листопад.
И сквозь память плывут вереницею лица
Не пришедших с Афгана, погибших солдат.

Точно так же тогда листья в вальсе кружили,
С тихой грустью ложась на усталый перрон,
На котором ребята, прощаясь, шутили,
И казалось, что жизнь – это сказочный сон.

Но не знали они, что им выпала доля:
Своих лучших друзей безвозвратно терять,
Что Афган навсегда в них останется болью,
Ни вином, ни лекарством её не унять.

Помнить матери взгляд, не пришедшего друга,
От которого, словно бросает в озноб,
Проклиная судьбу за такую услугу,
Что тебе - не ему - в том бою повезло...

Только осень опять к нам придёт листопадом,
Сердце болью тревожа друзьям боевым,
Чтобы память жила, потому, что так надо,
И не тем, кто ушёл – это нужно живым.

Ребятам, прошедшим пекло
Афганистана, посвящается...

КАРАВАН

Сон тревожный, ребятам не спится,
Задувают «афганец»^{*}, шлифуя бархан.
И все чаще далёкая Родина снится,
Она там, за Рекой... здесь - проклятый «Афган»,
Край забытый, заброшенный Богом,
Ни умом и ни сердцем его не понять:
Где вчера ещё нитью бежала дорога –
Завтра будет песчаная гладь.
Ветер злится, играет позёмкой колючей,
Погружая в песок опустевший кишлак,
Словно жизнь здесь - нелепый (не более) случай,
Между нею и смертью всего только шаг.
Там, в пустом кишлаке, на коротком привале
Затаилась спецгруппа – 17 ребят,
Двадцать вёрст по пустыне уже отмахали,
Впереди ещё столько – и нужный квадрат.
В том квадрате, по данным разведки,
Должен тайной тропою пройти караван,
Со взрывчаткой, оружием (случай не редкий),
Только вот отправитель – не кто-нибудь – Хан.
-Хитрый пёс, только волчьей породы», -
хмурит брови «старшой», - и расчётливый, гад,
Как все чётко продумал, пока непогода,
Пока дует «афганец» - «вертушки» стоят.
Ждать погоды, пожалуй, напрасно и глупо,
Да пока она будет – пройдёт караван.
Значит, ножками, быстро, маневренной группой,
И устроить засаду, зарывшись в бархан.
Говорили, что будто тропа та проходит
Руслом старой, когда-то усохшей реки,

Значит, есть ориентир, и, спасибо погоде,
Можно тихо и скрытно туда подойти.
Размышляет «старшой», есть над чем поразмыслить:
Ведь удача – удачей, здесь – нужен расчёт.
Если только сработать внезапно и быстро,
Чтобы все, как по «нотам» - тогда повезёт.
Это, в общем, конечно, без всяких нюансов,
Только вот невозможno всего усмотреть:
Кто хитрее и шустрее – у того больше шансов,
Раньше срока никто не спешит умереть.
А ребята вздыхают, ребятам не спится:
Всё-таки странно устроена жизнь,
Раз! И ты на войне, да ещё за границей –
Связь с Союзом – лишь тонкая-тонкая нить.
И кого только вместе война не связала,
Изо всех уголков необъятной страны:
Из Сибири, Поволжья, Литвы и Урала,
Ашхабада, Тбилиси, Уфы, Костромы.
Да неважно, откуда, какой будешь веры:
Будь латыш, дагестанец, москвич иль бурят –
Если вместе с тобою лежал под обстрелом,
И в бою прикрывал – значит, больше, чем брат.
А «афганец» сильней и сильней задувает,
Словно хочет живое навек склонить,
И оставленный след на песке заметает,
Всё стремясь оборвать эту тонкую нить...

Вот и время... Пора, две минуты на сборы,
Все сомнения прочь – впереди только цель...
И - вперёд, до неё, до конца, до упора,
Прямо в ночь, сквозь песчаную ту круговерть.
Хорошо, что ещё без жилета, и славно,
Так сказать налегке: автомат, да штык-нож,
Да по пять магазинов, скреплённых попарно -
Что ещё на себе унесёшь.

А песок, он везде: под одеждой, в карманах,
Он скрипит на зубах, засыпает глаза,
Но одна только цель – быть вперёд каравана,
Раньше, чем он проскочит, иначе - нельзя.
Растворяется всё в том песчаном кружении:
Мысли, чувства, усталость и страх,
Лишь спина впереди, в монотонном движении,
Да всё тот же проклятый песок на зубах.
Вот он - нужный квадрат, сердце бьётся, как молот,
Всё, успели. Добрались в намеченный час.
И под ложечкой где-то рождается холод,
Так всегда перед боем, почти каждый раз.
А теперь затаиться и ждать каравана,
Погрузившись по плечи в сыпучий песок...
И растёт на глазах острый гребень бархана –
Как в песочных часах – жизни меряя срок.
Время тянется, плавно секунды считая,
Он всё ближе и ближе, тот страшный рассвет,
И «афганец» как будто немного стихает,
Замедля дыханье в преддверии бед.
Вот и слышатся первые звуки движенья:
Гул далёкий по старому руслу реки,
И уходят последние в сердце сомненья,
Всё давно решено и назад нет пути.

Всё случилось потом как-то сразу, внезапно:
Автоматная трель всколыхнула пески,
Крик, гортанная речь, а о чём – не понятно,
Лишь два слова знакомых – «аллах», «шурави».
И стучит автомат по предплечью упрямо,
Чтоб с оружием в тыл караван не прошёл,
А в глазах наплывает: как вечером мама
Накрывает на кухне для ужина стол.
И всё в тех же цветах на окне занавески,
Да до боли в знакомых щербинках стена...

И проносится мысль, от которой вдруг тесно
Станет где-то в груди – «Ведь не наша война»?!
А кругом лишь песок... Где же те перелески,
Что в родной стороне, где невеста, где мать...
Почему не за них? Да лишь Богу известно,
Отчего и за что суждено воевать.
Но солдат есть солдат, он, как штык у винтовки:
Если «К боя!» - команда – всегда впереди,
А политика так маневрирует ловко:
-Если есть государство – значит, есть и враги.
И идут эшелоны, вздыхая на шпалах,
Вновь солдатская песня из вагона слышна,
Лишь на небе ночном, ярко вспыхнув, упала,
Прочертив небосклон, может, чья-то звезда.
Кто-то встретит судьбу среди гор Кандагара,
Кому вечным пристанищем будет Баграм,
Не успев осознать, что так прожито мало,
А кому-то судьбой станет тот караван.
И стучит автомат, гильзы веером ложа,
Покрывая ковром раскаленный песок,
Материнское горе слагая, и множа –
Пуля свист оборвёт, свой найдя адресок...

Этот бой для ребят - он, конечно, не первый,
Среди многих других – лишь всего эпизод.
Только память его сохранит, как в резерве,
И кошмаром ночным не однажды вернёт.
Сколько славных ребят изломала та служба...
И не важно, чем этот окончился бой –
Он давно позади, но кому это нужно,
Если этот кошмар будет вечно с тобой?
И когда, вновь домой возвратясь по «Приказу»,
Помня даже во сне жутких будней оскал,
Упаси вас, Господь, повторить эту фразу:
Что - «тебя я туда вовсе не посыпал».

Она ранит порой пострашнее, чем пуля,
Даже многое больней, чем осколком в живот,
Когда скажет её, развалившись на стуле,
Канцелярский чинок, ожирев от щедрот.
Эта боль пробежит, разрывая суставы,
Словно острой иглой снова в сердце кольнёт,
Вспоминая ребят, тех, которых не стало,
И кто памятью этой – доныне живёт.
То, что память хранит – это Вечно и Свято,
Не забыть им о том, тем, кто был за Рекой...
Лишь «афганец» песок так же гонит куда-то,
Заметая тропу, будоража покой...

*/ - песчаный ветер, дующий с верховьев Аму-Дарьи

1984 год

РОССИЯ – РОДИНА МОЯ

Необъятна Россия – страна
От полярных до южных морей,
Ты такая на свете одна,
И другой нет для сердца милей.

Я по травам пройду босиком,
В предрассветный туман окунусь,
И хрустальный росы перезвон
Облетит всю бескрайнюю Русь.

Не забыть край навеки родной,
Эти алые гроздья рябин.
И грустит, расставаясь с тобой,
Журавлей улетающий клин.

К 400-ЛЕТИЮ Г. ТОМСКА

Вот и встретились вновь, здравствуй, город
родной,
Средь нарымской тайги ты один лишь такой.
А вокруг до небес необъятная ширь,
И гордится тобой не напрасно Сибирь.

Величаво стоит над сибирской рекой
Город, юный душой, город с детства родной.
Ты навеки останешься в памяти жить,
Как же можно тебя, милый Томск, не любить.

За 400 лет многое утекло,
Сколько минуло бед, но, как прежде, тепло
Излучает всегда свет твоих фонарей,
Приглашая опять к себе в гости друзей.

Пусть седые века над тобою летят,
В тишине тополей дремлет Лагерный сад,
В куполах отражаясь, плывут облака,
И поёт о тебе свою песню река.

ПОДГОРНОЕ

Над Подгорным туман белой дымкой клубится,
Под горой в тополях притаились дома.
Это тот уголок, где однажды родиться
Предоставила мне, как подарок, судьба.

Здесь промчалось мое беззаботное детство
У таёжной и тихой, цвета чая, реки,
Память нежно хранит тех мгновений

наследство,
Всем невзгодам назло, бедам всем вопреки.

И куда бы судьба ни забросила снова,
В своих мыслях всегда возвращаюсь сюда.
Это манит теплом свет родимого дома,
Словно весточку шлёт из того далека.

Над Подгорным туман белой дымкой клубится,
Опускаясь на спящие тихо дома,
И по Чае-реке, как небесные птицы,
Отражаясь в воде, вдаль плывут облака.

РЕЧКА ЧАЯ

Речка бежит среди спящей тайги,
Тихо волну шевеля,
И от воды чуть дрожат тальники,
Словно бы с ней говоря.

Мне по душе твой коричневый цвет –
Крепкого чая настой,
Словно растаял багряный рассвет
В талой воде снеговой.

В нём - аромат темнохвойной тайги,
Чёрной смородины сок.
Сразу почувствуешь, лишь пригубив,
Сделав хотя бы глоток.

Чуть горьковатый от дыма костра,
Я его пью – не напьюсь...
И возвращает мне Чая-река
Детства забытого вкус.

ТЫ СУДЬБОЙ МОЕЙ СТАЛО, ПОДГОРНОЕ

Солнца луч догорел и погас за селом,
Где-то песня знакомая слышится.
Хорошо возвратиться в родительский дом,
Где легко и свободно так дышится.

И уносит баян песню вдаль над рекой,
Пробуждая безмолвие сонное,
Дорогое село, мы, как прежде, с тобой
Снова вместе, родное Подгорное.

Здесь, как сказочный сон, наше детство прошло,
Здесь простились однажды со школою.
И, грустя, провожало родное село,
Когда в жизнь уходили мы новую.

И все так же баян песню вёл над рекой,
Пробуждая безмолвие сонное,
Когда мы возвращались обратно домой,
Чтобы быть с тобой рядом, Подгорное.

Только годы летят, и уже седина,
Словно снегом, виски запорошила,
Где бы ни были мы, будем помнить всегда,
Здесь тропинка до детства проложена.

И уносит баян песню вдаль над рекой,
Пробуждая безмолвие сонное...
Дорогое село, мы навеки с тобой,
Ты судьбой нашей стало, Подгорное.

ПЕРЕЛЁТНЫЕ ПТИЦЫ

Перелётные птицы на север летят,
Возвращаясь к знакомым гнездовьям,
Через сотни ветров,
Под родительский кров
На озёра и реки Приобья.

Клин за клином плывут, исчезая вдали
Бесконечной, как нить, вереницей,
Лишь повеет теплом
От родимых сторон-
И летят перелётные птицы.

Не затем ли они прилетают сюда,
Чтоб родимой земле поклониться –
Это память хранит
Уголок средь ракит,
Где однажды на свет появился.

Так и люди, порой, покидают свой дом,
Становясь перелётною птицей,
Но родная земля-
Она помнит тебя,
Манит вновь и зовёт возвратиться.

АТАМАН

Полыхал Дон гражданской войной,
Из станицы шёл в бой атаман,
И пьянил вольный ветер степной
Эскадрон, уходящий в туман.

Атаман был удачлив и смел,

Много видел боев и погонь,
И под ним, словно птица, летел
Боевой, серый в яблоках, конь.

Но однажды он, пулей шальной,
Пал, сраженный у Дона-реки,
И, смахнув слезы грубой рукой,
Залп прощальный дадут казаки.

И ожившая, словно от слез,
Содрогнулась от залпа земля,
И ночной чуткий ветер донес
Одиночное ржанье коня.

ПОГРАНИЧНАЯ

Переулками бродит весна,
Ароматом наполнился май.
Призывает на службу страна-
Ты меня вдалеке вспоминай.

Над границей бессонница звезд,
Да ночная кругом тишина.
Только ласковым вздохом берез
Ветер весточку шлет от тебя.

Завтра снова уходим в дозор,
Снова ночь мне делить с тишиной,
Но твой нежный и любящий взгляд
Тоже службу проходит со мной.

Ожиданья промчатся года,
Я вернусь после службы домой,
И узнаешь, родная, тогда,
Как я ждал этой встречи с тобой.

*Ребятам Брянской лесопатологической
экспедиции посвящается...*

Одинокая палатка...
Догорающий костёр...
Чай с горчинкой, чай несладкий
В моей памяти не стёрт.

Ветер резко налетает,
Рвёт палатки обшлага –
Тихим стоном отвечает
Не уснувшая тайга.

Я в палатку заползаю,
Стонам вторя в унисон,
И мгновенно засыпаю,
Но в тайге короток сон.

Треск от сучьев пробуждает –
Знать, в тайге я не один,
И рука сама сжимает
Запотевший карабин.

С гулом в небе пролетает
Одинокий самолёт,
Словно бы напоминая:
Где-то дом и кто-то ждёт.

Костерок вновь оживает,
Чаём дышит котелок,
Мысли к дому убегают,
Изнывая от тревог.

Крепким чаем разгоняю
Гнусных мыслей злую тень,
Ночь со вздохом проклинаю,
Жду, когда начнётся день.

Он приходит вместе с солнцем,
Разгоняя ночи лёд.
Между кронами в «оконце» -
Долгожданный вертолёт.

Прочь таёжные скитанья!
Ими я по горло сыт...
Но хранится в подсознанье
От вчерашних мыслей стыд

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТАЁЖНОГО КОСТРА

О ЖИЗНИ

То мчимся мы по жизни неумело,
Врываемся в людской водоворот,
То на распутье ждём несмело,
Какой, не зная, выбрать поворот.
Не оглянувшись даже на былое,
Ошибку за ошибкою творим.
Увы, уходит время золотое,
А жизненный процесс – неповторим.
И, жалясь на невзгоды, неудачи,
Чуть отдохнув, опять вперед спешим...
А на поверку выглядит иначе –
От жизни, от себя бежим.
Проходят годы, годы чередою,
И вот уж седина в виски стучит,
И только в памяти, как ветер по ладони,
Вся жизнь с курьерской скоростью промчит.

О ДРУЖБЕ

Не забывайте о друзьях
На суше, в небе иль на море,
Пускай слезинки на глазах,
С друзьями горе – четверть горя.
Поникших духом – в жизнь вернут,
Пропавших без вести – разыщут,
Упасть с позором не дадут,
А если нужно – строго взыщут.
Простят обидные слова,
Своим теплом тебя согреют,
В их сердце места нет для зла,
И нет твоих друзей добрее.
Но если ты друзей бросал,

Их избегал, иль сторонился –
Себя ты в жизни потерял,
И, поздно… заново родиться

O ПОЭЗИИ И РЕАЛЬНОСТИ

Я стих сложил, как есть, из фактов голых,
Реальность понужая почём свет.
Его прочтя, мой друг – лесопатолог,
Поэт от Бога, дал такой совет:
-Пойми,- сказал, - реальность, да - насущно,
В поэзии – как раз наоборот:
Зачем влезать всобытий гущу,
В ней должен быть души твоей полёт.
А здесь слова – как вол, ползущий в гору,
Они же над землёй должны парить,
Вложи такую в них первооснову,
Чтобы никто не смог так сотворить.
Чтобы реальность – обратилась мифом,
Оживший миф – реальностью предстал.
Играй, как музыкант, словами, рифмой,
И ты взойдёшь ещё на пьедестал.
И я молчал, внимая речь поэта,
Ловя, как нить, созвучия души,
А в глубине, уже подспудно, где-то,
Реальность выдавала миражи.
И я не мог ему в тот миг признаться,
Ведь, чтобы над землёю воспарить,
Мне от неё предстало оторваться,
И потому - земное позабыть.
Я реалист, и, значит, стать поэтом
Мне не дано, пожалуй, никогда,
Но знаю точно: жизнь – не только лето,
За летом будет осень и зима.

ГОДУ 2000 - ПОСЛЕДНЕМУ ГОДУ СТОЛЕТИЯ

Год последний минувшего века
Мы встречаем, смотря в гороскоп,
Год Дракона....А год Человека?...
Где же ты, человеческий год?

Что нас ждёт с этим «пламенным зверем»?
Мы не знаем, что он принесёт,
Только грустно, что сами звереем
Год от года, и на год вперёд.

И неважно Коза или Тигр,
Жить с Быком или при Петухе.
Мы все те же, и нам не до игр,
Если катимся снова к сохе.

К нищете привыкаем и крови,
И в диковинку ныне добро,
Но к «кормушке», как к дойной корове,
Все стремимся подсунуть мурло.

Боже мой, где былая Россия?
Что случилось с тобой, Человек?
Дай нам, Господи, разума, силы
По-другому прожить новый век.

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

Жестокий век...

Ты в сапогах болотных, грязных
Прошёл по душам тысячи людей,
Величием деяний безобразных
Устроил всесоюзный беспредел.

И покатилась с ветерком под гору
Вся наша соразмеренная жизнь,
Как будто вышибли надёжную опору
У здания, взметнувшегося ввысь.

Апофеоз промчавшегося века –
Душа, растоптанная сапогом.
Ты уничтожил в человек - Человека,
Он умер. Его нет. А что потом?

Как горько осознать, что ты букашка,
Как гадко на добро ответить злом.
Но правит новый бог – зелёная бумажка,
И мчится жизнь. А что потом?

Что оставляем мы балдеющим потомкам?
Своё бессилие, да оправданий том,
Незрячею толпой бредём в потёмках
Подколокольной панихиды звон.

И пусть забрезжит свет в конце тоннеля –
Он не сотрёт на душах грязный след.
Душа больна, и, значит, сам болеешь...
Да и к чему слепому свет.

1999г.

* * *

Последняя осень 20 века

Всплакнёт листопадом и дымом костров,
Коротким мгновением «бабьего лета»
Простится, растаяв на стыке веков.

Последняя осень шального столетья...
Что в нём нам оставить? Что дальше нести?
И руки безвольно опущены плетью –
Что там ожидает, на новом пути?

А мысли, как стрелка у метронома:
Туда и обратно, и снова туда...
И будет ли осень, рождённая снова?
Такая, возможно, и будет,
но все же – не та.

Не та, потому, что не будет былого,
И пусть обмелела той жизни река,
Пусть листья опали, и стало вдруг голо,
Но в сердце тепло,
значит, осень была.

ТАЁЖНАЯ РАПСОДИЯ

Я в тайге. Я забыл про работу,
И о том, что нельзя забывать,
Потому, что пришёл на охоту,
Как деды говорят – промышлять.
Год за годом, но так не похожи
Эти годы один на другой,
Если взять их все вместе и сложить,
Тоолжизни прожито тайгой.

И утрами по свежей пороше,
Подсобачьего лая концерт,
Промышляю. Белкую, и все же
День за днём ищу соболя след.
Возвращаясь к знакомой избушке,
Коротая у лампы досуг,
Представляю, как там на опушке
Обрезаю по соболю круг.

Вот сегодня проснулся, и что-то
Сердце часто забилось в груди,
Нашептал мне как будто бы кто-то,
Что скрестятся вдруг наши пути.
И тому в подтвержденье собаки,
Вдруг исчезли, как будто их нет,
Лишь в снегу отпечатаны знаки –
Уходящий в неведенье след.

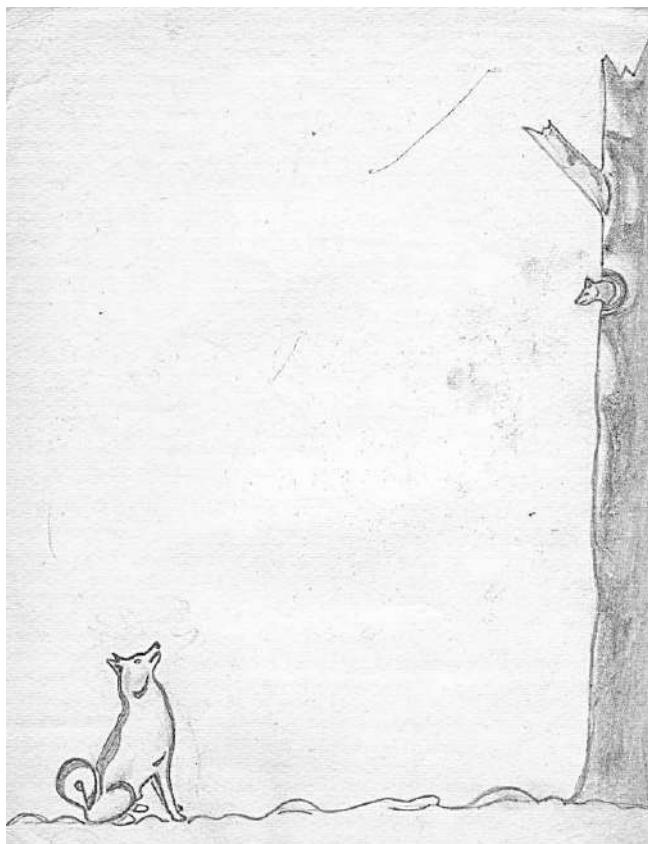
Я иду по нему, и тревога
Заполняет всю душу до дна.
Остановка – послушать немного,
Но в ответ – лишь одна тишина.
Я иду по собачьему следу,
Вижу соболя след вперекрест,
Разминулись... И время - к обеду,
Не судьба.... Где же ты, божий перст?
И, как будто, прочтя мои мысли,

Слышу, словно из-под земли,
Издалёка, почти что чуть слышно-
Лай собачий ветра донесли.
Неужели? Срываюсь, и- ходу,
Я на лай, что есть мочи, бегу,
Но сбивают дыхание годы,
Всё равно, хоть умру, но дойду.
Он все ближе. И вот уже рядом,
Словно фартом повеяло вдруг,
Опьянённый внезапным азартом,
Я бегу на него, к чёрту круг.
Вот и кедр, большой, в два обхвата,
Лай собачий, истоптанный снег.
-Хороша для спасения «хата»-
Размышляю, закончив свой бег.
Там, в вершине могучего кедра,
Затаился пушистый зверёк:
Может, шустрая серая белка
Или все-таки он, соболёк.
И, задрав, аж до боли, макушку
Так, что шапка упала на снег,
Я с волнением смотрю на верхушку,
Между делом фиксируя след.
А собаки заходятся лаем,
Говоря мне – что смотришь – он тут.
Это соболь, теперь уже знаю,
И следы прямо к кедру ведут

И тревожнее сердце забилось:
Вот он - фарта заслуженный миг,
Может, мне это просто приснилось-
Но собаки сорвались на хрип.
Тут он, тут. Только сразу не вижу-
Застилает волнением глаза,
Ничего нет желанней и ближе –

На словах это не рассказать.
И, кружка возле кедра по кругу,
Вижу, словно нарост на стволе,
Ни кухты, ни движенья, ни звука,
Лишь впечатанный в ствол силуэт.

Вот и всё. Поднимаю винтовку...
Знаю, кто-то осудит меня...
Се-ля-ви. В ней бывает неловко,
Но у каждого доля своя.

ТАЁЖНЫЙ ТОСТ

Я пью за тех,
 кто с первыми ручьями
Теряет ощущенье бытия,
За тех, кто, изумлённо замирая,
Глядит, как поднимается заря.

Кто, сидя у костра, вдыхает
Весенний аромат хвои
И, опустив ружьё, внимает
Песнь глухаря в преддверии зари.

Кто жизнь тайги познал не понаслышке,
Не из рассказов дедов, не из книг,
Кто с рюкзаком большим идёт неслышно...
Вглядись в них, человек, остановись на миг.

И в этом взгляде, пламенно-тревожном,
Увидишь то, с чем, может, не знаком:
Палатку, скучный быт таёжный,
Восход зари и ... комариный звон.

А, увидав, прошу, не осуждайте-
То не порок, а состояние души,
Блаженный – пусть! Но, сострадая, знайте:
-Жива душа, а, значит, жив и ты.

ДРУГУ...

Я в жизнь шагнул из малого села,
Что в томской спряталось глубинке,
Где сразу за селом - тайга
Укрыта синеватой дымкой,
Зимой – до пояса снега...

И в той таёжной, дикой стороне
Тревожил часто сон мальчишку:
Иду тропой, а на ремне
Свисает батино ружьишко,
Плечо оттягивая мне.

И вот желанный день настал-
Мой сон явился ко мне явью:
Руками я ружьё сжимал,
И, право слово, не лукавлю –
От счастья чуть не зарыдал.

Иду с ружьём, кругом тайга,
Вот лихо выдал трель рябчишка,
И сразу напряглась рука –
Престижно было для парнишки
Добыть для ужина рябка.

То лишь начало, эпизод
Таёжных странствий и скитаний,
Тянувшихся за годом год,
Гася накал страстей, желаний,
И был я счастлив, видит Бог!

Промчались годы, нет того села,
Осталось только лишь названье,
Но часто мне приходят в снах
Мои таёжные скитанья,
Костёр... Опавшая листва...

Нет, не утих накал страстей –
Всё чаще новые заботы,

Всё суeta, в потоке дней
Опять спешим доделать что-то,
А время мчит – ещё быстрей...
Но то, что я в тайге познал:
С годами обретённый опыт,
Листвы осенней чудный бал,
Души восторженные ноты –
С ружьём я сыну передал.

НОЧНОЙ КОСТЁР

Ночной костёр вдали мерцает,
Тревожно пляшет огонёк,
Быть может, кто-то отдыхает,
Устав от пройденных дорог.

И, словно силы приумножив,
Тяну туда, на этот свет.
И тот, кто у костра, предложил
Мне кружку чаю и обед.

Не задавая сто вопросов:
Зачем, откуда и куда?
Повёл себя легко и просто,
Как будто знал меня всегда.

Не показав своей тревоги,
Он вынул хлеба каравай:
-Сначала накорми с дороги,
потом вопросы задавай.

Так повелел закон таёжный,
И тот, кто свято это чтит,
Уверен, что его, быть может,
Костёр такой же приютит.

Затем знакомство и беседа –
За полночь долгий разговор:
О том, о сём, про то, про это,
И главный слушатель – костёр.

Пусть наша встреча – мимоходом,
Но на душе оставит след.
Готов поклясться перед Богом,
Что он – хороший человек.

Костёр таёжный ярко светит,
Попутчик спит глубоким сном.
И хочется ему ответить
По-человечески – добром.

ТАЁЖНАЯ ВСТРЕЧА

Однажды осенью погожей,
У одного ночных костерка,
На перепутье троп таёжных
Со странным путником свела меня судьба.

Старик лукавый, жизнью умудренный,
Тайгой пропахший вдоль и поперёк,
С двустволкой на плече и маленькой котомкой
Ко мне забрёл на огонёк.

И, окружённые ночною темнотою,
По кружке чаю выпив, как пролог,
У яркого костра, возникший сам собою,
Мы повели о жизни диалог.

О том, что в мире неспокойно,
И про минувшую войну,
О том, как жизнь прожить достойно,
Ну и, конечно, про тайгу.

И вдруг спросил мудрец таёжный
Меня лукавым взглядом оценив:
-А если друг тебя предал надёжный,
скажи мне, парень, как бы жил?

Ему ответил: - Что жестоко
Без друга верного прожить,
Ведь их у нас не так уж много,
Но даже это можно пережить.

Тогда мудрец промолвил осторожно
И, как бы ненароком, обронил:
-А если б чувства омрачились ложью,

Скажи тогда мне, как бы жил? -

-Что ж, жизнь крута, в ней всё возможно,
Но не упал бы я и не лишился сил,
Я чувств своих переплетений сложных
Одной тайге всецело посвятил.

Старик ответу удивился
И в третий раз меня спросил:
-А если б ты тайги лишился,
скажи мне, парень, как бы жил?

И, после долгого молчанья,
Возникший в горле проглотив комок,
Ему ответил я в отчаянье:
-Что стал бы очень одинок,

Что если б я тайги лишился,
То сам не знаю, как бы жил,
Совсем, конечно, не запился,
Но это точно, что запил.

ПУНЖА

Я вновь то место посетил,
Где изначально промышляли:
Там ветер кедры повалил –
Тогда они ещё стояли –
Теперь лежат, лишившись сил.

Избушка прежняя – жива,
Но стала, словно ростом ниже,
Она, как мы, уже стара,
И оттого родней и ближе,

Как те, ушедшие, года.

Возле избушки – таганок –
Его не тронуло и время,
Под ним, как прежде, костерок
Развёл, заварки всыпав жменю
В подзакопчённый котелок.

И чай душистый пил из кружки,
В него макая рафинад,
И думал, глядя на избушку,
Что жизни прожитой расклад –
Поныне будоражит душу.

ЗВЕЗДОПАД

Над палаткою - звёздное небо,
Как магнитом, влечёт к себе взгляд.
На исходе сибирского лета,
Дарит осень тайге звездопад.

Говорят, звёзд паденье – примета,
Будто прервана чья-нибудь жизнь,
И чем больше в падении света –
Значит, смог не напрасно прожить.

И невольно задуматься впору,
Какой след в нём оставит - твоя:
-Если миг – будет вечным укором,
если яркий - то, значит, не зря.

В мирозданье все взвешено строго,
Так устроен наш мир и Земля:
Никому не дано, даже Богу,
При падении знать, это - чья.

ОДА СОБАКЕ

Плох сезон, когда нету собаки,
Ещё хуже – если «фуфло»:
То кругом бесконечные драки,
Или сзади идёт, как назло.

А то лает на группу деревьев,
Где ты, белка, поди, разберись,
То от птицы подстреленной перья
Разлетаются, только держись.

Почему человеческий разум
Не дал Бог им, по-существу?
- Потому что, наверное, в вакуум
превратили б тогда мы тайгу.

Но бывают и чудо - собаки:
Ты подумал – она поняла,
По душе ей избушки, бараки,
Лишь бы рядом шумела тайга.

Её жизнь будет вечным примером
И для нас, и для многих других:
Фанатичная преданность делу,
Её почерк в тайге, словно стих.

За таких, за собак, не лукавя,
Я бы выпил фужер не один,
И отдал бы, пожалуй, не глядя,
Десять лучших житейских годин.

СИЛА (басня)

Медведь ревел в таёжной чаще:
-Меня сильнее зверя нет,
А чтобы жизнЬ была сытней и слаше –
Медку добуду на обед.

И вот, надеждой окрылённый,
В медвежью силу без ума влюблённый,
Пыхтя, как в гору паровоз,
Пошёл на пасеку в совхоз.

Пробрался, улей проломил
И внутрь лапу запустил.
Тревожно улей загудел –
Медведь от злости озверел:

-Вы мне перечить? Вот, нахалы! –
И кулаками замахал он,
Разгневан до корней волос –
И в два удара улей снёс.

Что было дальше – знает каждый.
Вот так и человек- однажды,
Лишь в силе видя свой успех,
Себя поставит против всех.

Мораль сей басни такова:
(В ней жизненной немало были)
-Не верь в удачу кулака,
Запомни: сила - в коллективе.

ОТКРОВЕНИЯ ПАРОДИСТА

А.А.Иванову

Размышленьям предаваясь
Вот уже, который год,
Разобраться я пытаюсь,
Что поэты за народ.

Рано утром просыпаясь,
Говорю: - Держись, поэт!-
И за завтраком съедаю
Поэтический памфлет.

Я всегда стихами грезил –
(Не прожить мне без стихов),
Но в обед мне борщ не лезет,
Если нет в стихах грехов.

Даже ужин мне не нужен,
Я отдам его врагу,
К ночи точно станет хуже,
Если темы не найду.

Лучше б был я куплетистом –
Плèл лихую чепуху,
Или стал киноартистом-
Говорю, как на духу.

А теперь ни днём, ни ночью
Нет покоя мне нигде -
Авторы стихов воочию
Вновь являются во сне.

И становится мне страшно:

Вдруг я в мир иной уйду –
Те поэты бесшабашно
Будут честь свою муру?

Нет, не нужно мне забвенья,
Буду долго-долго жить,
Чтоб «бессмертные» творенья
Мне поэтов пережить.

1985г.

РАДИОСТАНЦИИ «МАЯК»

Один в таёжной глухомани,
Кругом лишь кедры да снега,
Я измеряю время днями,
А дни - слагаются в года.
И без конца ругаю ночи
За бесконечную длину,
За то, что день еë короче,
Ведь ночь в тайге мне ни к чему.
А печка щёлкает дровами,
Ведя со мною давний спор,
Внутри еë бушует пламя,
И тоже рвётся на простор.
Ему, наверно, так же тесно,
Зажатом в четырёх стенах,
И вновь в движении бессловесном
Избушку меряю в шагах.
И вот достиг уж апогея
Пассивной суэты накал,
Но... словно на душе теплеет,
Услышав «Маяка» сигнал.
Где с бодрым голосом Раисы,

Ведущей праздничный концерт,
Ворвётся песня лёгким бризом,
Душе как будто на десерт.
И под чаек таёжный с песней
Хандра развеется, как дым.
И вот уже в избушке тесно,
Да будто я и не один.
И словно стала ночь короче,
А, значит, ближе стал рассвет,
И я в одном уверен точно:
Что вы несёте добрый свет.
А кто-то скажет: «И всего-то,
Какой-то просто «маячок».
Но тем, кто долго ждёт кого-то,
Он- словно в жажду родничок.
Как свет, который не погаснет,
Как друг, который не предаст.
Знать, ваша служба не напрасна,
И долгих лет пусть Бог ей даст...
И вновь в эфире позывные
Сигнал о встрече к нам несут,
Ведь даже в дальнем уголке России
Вас любят, уважают, ждут.

СЛОВА ЧУЖИЕ ВЯЖУТ ПАУТИНУ (грустная пародия)

Тянулось жизни плавное течение,
Неся к нам через годы и века
Тех русских слов великое значение,
Родное и доступное всегда.

Его воспели Пушкин и Есенин,
Ахматова, Волошин, Пастернак.

И полагали – что они посеют –
То мы пожнём, но все, увы, не так.

Ещё летит Россия птицей-тройкой,
Но вновь ворвался ветер перемен,
А вслед за ним, за «чудо - перестройкой» -
Пришёл экономический «эдем».

И вот уже все чаще в обиходе
Чужие, непонятные слова.
А вместе с ними из души уходит
То, чем Россия столько лет жила.

Уже престижно называться «брокер»
Хотя, по сути, это - паразит,
Но мы, увы, от этого не в шоке,
Вся наша жизнь – коммерческий транзит.

По всей стране снуем мы челноками,
Рокфеллерами себя видя в снах,
Привычно апеллируя словами:
Консорциум, маркетинг, олигарх.
На лизинг поменяли мы аренду,
Лопочем все, что - даже не поймёмы,
Как попугай (им болтать не вредно).
Не потому ль хреново так живём

Что потеряли гордость за Россию,
Что забываем свой родной язык?
Нырнув в заокеанскую стихию –
Стал «мэром» зваться русский наш мужик.

«Макдональды» заполонили, «шопы»,
Как обезьянник, ну ни дать, ни взять.
Послать бы их куда-нибудь... Ну что ты,

А хочется, ей - Богу, срифмовать.

Консенсус мы опять упорно ищем,
Согласие – изжило суть свою.
И о любви нет слов нежней и чище
Давно заезженного «Iloveyou»

И, может, Бог- так уподобив свыше-
Не дал дожить поэтам до сих дней,
Чтобы от нас, сегодняшних, услышать
Восторженное «Bay» и «О, кей».

Язык бессмертен, когда людям нужен,
Его хранят, как знамя, как очаг,
Но мы и здесь привычно «сели в лужу»
И это значит – что-то в нас не так.

Слова чужие вяжут паутину,
Плетут вокруг невидимую сеть...
И мне все чаще хочется «Кручину»
С тоской российской, от отчаянья, спеть.
Но верю – молодое поколенье
Развеет миф заокеанских снов,
Закончится «эпоха забалденья»,
Вернётся время пушкинских стихов.

И, по-другому глянув на Россию,
На милую, Святую на века,
Мы сохраним под этим небом синим
Могущество родного языка.

Ещё десяток лет

Я с грустью разменял,
И жизни моей бег
Плавнее как-то стал.
Уже не тот полёт,
И меньше суеты,
Уже пошёл отсчёт
До «роковой» черты.
Но в свой последний «хадж»,
В тот призрачный покой
Тетрадь и карандаш
Я всё ж возьму с собой.

ПРОЩАНИЕ С ТАЙГОЙ

Вот и время пришло мне с тайгою проститься...
Чем заполнить возникшую вдруг пустоту?
Почему так должно непременно случиться –
Словно жизнь оборвалась на полном ходу.

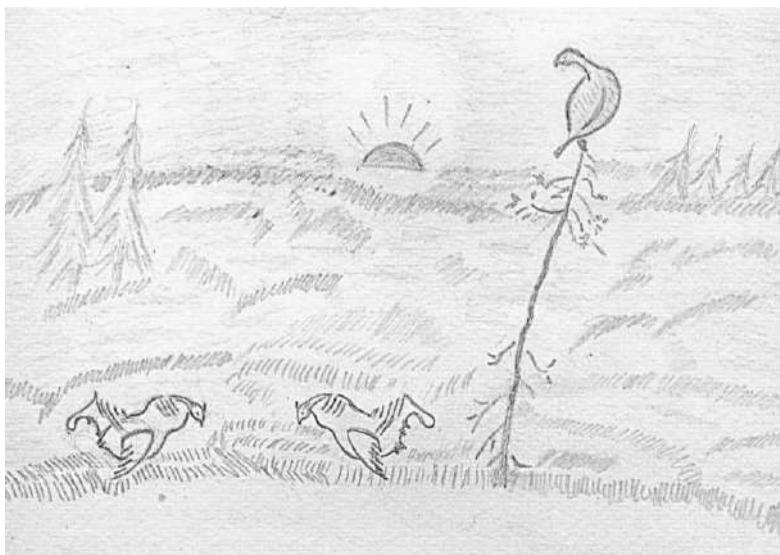
Это годы мои, неизбежно и властно
Прочертили черту, обозначив предел.
Только с ними душа, как всегда, не согласна,
Сожалея о том, что ещё не успел.

Так и будут они жить теперь в разногласья,
Как два берега тихой таёжной реки,
Разведённых когда-то навек в одночасье,
Но душа не стареет, годам вопреки.

Лишь бы память о прожитом все сохранила:
Эти ночи в тайге, да избушки уют,
Как о прошлом напомнит – что все это было...
И не мне глухари на рассвете споют.

3

ЛЮБЛЮ ТАЙГУ

ЛЮБЛЮ ТАЙГУ

Люблю тайгу. Когда вдыхаешь
Хвои смолистый аромат,
То сам невольно замечаешь,
Что годы катятся назад.
Что ты опять такой же юный,
И ноги сами рвутся в путь,
Как будто для тебя -раз плонуть –
Весь шар земной за месяц обогнуть.
Что за спиною старая двустволка –
С ребристой трещиной приклад,
И птицы на деревьях звонко
Твоим шагам подсвистывают в лад.
А у таёжной озерушки
Ползу по кочкам, чуть дыша,
Под сердца стук ловлю на мушку
Впервые в жизни – крякаша.
Я помню мхов болотных покрывало,
Костра желанное тепло,
И первую добычу... Право,
в тайге кто не был- тем не повезло.
Они не знают дым костров таёжных,
Ночных лесов нестройный гул,
Они, быть может, счастливы...
Возможно,
но я б так жить, пожалуй, не рискнул

* * *

*По снегу чертит след лыжня,
Уходит вдали чуть видимой полоской,
В неё с тревогой вглядываюсь я,
Попыхивая папироской.*

Она, как нить охотничьей судьбы,
Ведёт меня навстречу фарту,
Но ни она не ведает, ни ты,
Какую вынешь из колоды карту.

О, этот фарт! Туманит взор,
Вперёд! Вперёд, чтоб встретиться с удачей.
С разгона вылетаю на бугор,
С себя лет 20 сбросив, не иначе.

И вот ловушка, напрягаю спину,
-Быть может, тут, – щепчу себе,
И...пусто, но я строю мину,
Как при хорошей карточной игре.

Знать, не судьба... И так бывает,
Но грусть на сердце долго не живёт,
А мысль сверлит и подгоняет:
-Там, впереди, удача ждёт.

И снова в путь, живя надеждой,
Кто этого не знает- не понять,
Пусть усмехается небрежно,
Знать, Бог не дал ему познать.

ВОЛЧИЙ ЗОВ

Над горизонтом диском полным
Восходит бледная луна,
И воздухом морозным сонно
Звенит и стынет тишина.

Ничто еë не нарушает,
Лишь изредка - деревьев треск,
Да серебром слегка играет
В хвое холодный лунный блеск.

И среди этого безмолвья,
Нарушив тот ночной покой,
Донёсся вдруг внутриутробный,
Зловеще-жуткий волчий вой.

Объяттоскою беспредельной,
Летит в ночи надрывный зов,
Вселяя в души страх
смертельный
На протяжении веков.

И, чудится, уже алеет
Багряным отлеском луна,
И вся природа цепнеет,
Прошита ужасом до дна.

А он звучит, и в этом вое
Что-то мистическое есть,
Как будто дух зловещий бродит,
Свою выплескивая месть.

И растекаясь, словно лава,
Подвижной грудой серых тел,
Творит повсюду свой кровавый,
Жестокий, страшный беспредел.

* * *

*Зима вступила в край таёжный,
Прервав за осенью свой бег,
Шагает тихо, осторожно,
Даря природе первый снег.*

А снег, кружася и порхая,
Пушистым бархатным ковром
Ложится, словно отдыхая,
На землю, скованную льдом.

Природа вся в блаженной неге
Застыла, словно в долгом сне,
Как будто растворясь навеки
В звенящей этой тишине.

Природа спит. Её величьем
Стою, как громом, поражён,
Лишь изредка восторгом птичым
Бывает слух невольно пробуждён.

* * *

*Конца зимы дождавшись еле-еле,
Ручьями зазвенит весна,
Умчатся прочь морозы и метели,
И будет лето, осень... А пока
Нас будоражит перезвон капели,
Теплом плывут на север облака,
Уж птицы песни о любви запели,
Ещё немного – вскроется река.
И вмиг вздохнёт, освободясь, природа
От снежных выног, морозов и ветров.*

Весна! Святое время года –
Как пробуждение от долгих снов.
Как будто жизнь по-новому, по кругу
Помчится, отдавая чувствам власть,
И, ненароком глянув на подругу,
Опять, как прежде, испытаете страсть.
И, повинувшись этому, природа
Лишает всех остатков сна,
Инстинктом продолженья рода
Наполнив жизнь... На то она – весна!

ВЕСНА ИДЁТ

Весна идёт... Тайга очнулась,
От трелей дятлов пробудясь,
Вот ветка ели покачнулась,
От кома снежного свободясь.
Зима ещё не отступила,
В сугробах жёлтая сосна,
Но сердце томно защемило:
Весна идёт! Идёт весна!
Хвоя вздохнула, посветлела,
Синица звонко тянется: «дзинь»,
Как будто рассказать хотела
Про неба голубого синь.
И всё вокруг внезапно стало
Ещё желанней и родней,
Не так уж далеко осталось
И до прилёта журавлей.

* * *

Весна. Сезон открылся новый

С прилётом уток и гусей,
И мы, компания друзей,
Туда, за остров, за Кедровый,
Идём к озёрам в галее^{*}.

По бесконечному болоту,
Держа на остров ориентир,
Тропой бегущей, как пунктир,
Бредём, разбрызгивая воду,
Болотный растревожив мир.

Сюда к открытию охоты
Стремимся мы из года в год,
И каждый это время ждёт,
Отбросив все свои заботы,
Спеша попасть на перелёт.

И вот вдали уж заблестела,
Играя в озере, волна,
И стая уток, не одна,
Над головами пролетела,
Дождались... Вот она, весна!

А там, на озере – избушка
Нас встретит ласковым теплом,
Как будто зная, что придём,
Раскроет двери нам, как душу,

За бесконечным разговором
Нальём «наркомовских» 100 грамм,
И сразу станет ясно нам,

Что тост таёжный будет впору,
Весенний дополняя шарм.

И здесь, наедине с природой,
Душа оттает, и поймём,
Что мы пока ещё живём,
И если не сломают годы –
Бог даст, не раз сюда придём.

* / -моховое болото

РАССВЕТ НАД ИКСОЙ

Есть омуток среди Иксы-реки,
Со всех сторон тайгоокружённый,
Где в тихой заводи расходятся круги,
И пихты над обрывом дремлют сонно.
А в предрассветной дымке над рекой
Стоят талины, словно в ожиданье,
Боясь нарушить призрачный покой
Своих ветвей нечаянным касаньем.
Всё ждёт рассвета... Словно в этот миг
Наступит жизни новое рожденье,
Ну, а пока... пока природа спит
И тоже ожидает пробужденья.
И вот вдали, янтарной полосой
Начав рассвета робкое движенье,
Луч первый солнца выплыл над тайгой,
Сигналом послужив для пробужденья.
Мгновенье- и нарушен тот покой
Задорной трелью ранней птицы,
А на душе восторг такой,
Что хочется невольно поклониться
Природе за сюжет –
Ей- Богу, неземной.

УТРО

Туман на травы лёг росою,
Сверкая сотнями огней.
И где-то рядом, за рекою,
Слышна дрозда затейливая трель.

Река вздыхает утренней прохладой,
Лениво ветер трогает висок,
И погружает томная услада
В какой-то лёгкий, невесомый сон.

И на душе уже, как в чистом небе –
Ни облачка, ни тёмной полосы.
Что может быть прекраснее на свете,
Чем эти предрассветные часы.

* * *

Я счастлив! 30 лет общения с тайгой,
Но годы жмут, пора, ведь мне уже не 20,
И ноги ждут заслуженный покой,
И с молодыми трудно мне равняться.

Но где-то там, на острие души,
Во мне живёт весны примета:
Лишь только прилетают крякаши-
Готов болотами идти я до рассвета.

Встречать зарю под глухариной звон,
Сидеть в скрадке, борясь с озnobом...
Я счастлив, что родился простаком,
А не каким-то жутким снобом.

И если б Бог дал заново прожить,
Я снова взял бы ту же карту –
Ещё разок всё это пережить,
Свою судьбу доверив фарту.

Что может быть прекрасней тех минут,
Когда в душе все чувства разом бродят!?
Любовь? Которую годами ждут,
Хотя она быстрей проходит, чем приходит.

Нет! Никогда не променяю я
Тайгу на мифы о красивой жизни.
Она и я. Вот сущность бытия.
И ни к чему других мне истин.

ГЛУХАРИНЫЙ ТОК

Весна. Начало птиц прилёта,
Запахло в воздухе дождём.
И мы на дальнее болото
На глухариный ток идём.

Тропа длинна, как ожиданье,
Но мы шагаем, войдя в раж,
И где-то здесь, за этой гранью,
Она упрётся в табор наш.

Вот и кострище, над которым
Подзакопчёный таганок.
Мы на него цепляем споро
С водою талой котелок.

За крепким чаём разговоры
Текут рекою до темна,
И котелок, уже который,
Без счёта, выпитый до дна.

В костре поигрывает пламя,
Вокруг сгущая темноту.
Мы много бы чего отдали
За ночь за эту, за одну.

Пора... Умолкли разговоры,
Костёр совсем уже потух,
И, обретя себе опору,
Притихли, обратившись в слух.

В короткой схватке с темнотою
Полоску высветлил рассвет,
И сразу вырос пред тобою
Сосны нечёткий силуэт.

Светает. По её макушке
Лениво ветер пробежал,
И где-то «совки-хочотушки»
Тревожно голос зазвучал.

Уж косачи забормотали,
На битву созывая рать,
И звёзды быстро блекнуть стали,
Пора. Пора уже начать.

И вот... от кромки у болота
Вдруг донеслося: «ток-ток-ток»,
Как будто бы постукал кто-то
В пустой от спичек коробок.

Затем быстрей, как многоточье,
Держа на четверть интервал,
А следом - словно рашипиль точит
В тисках ослабленный металл.

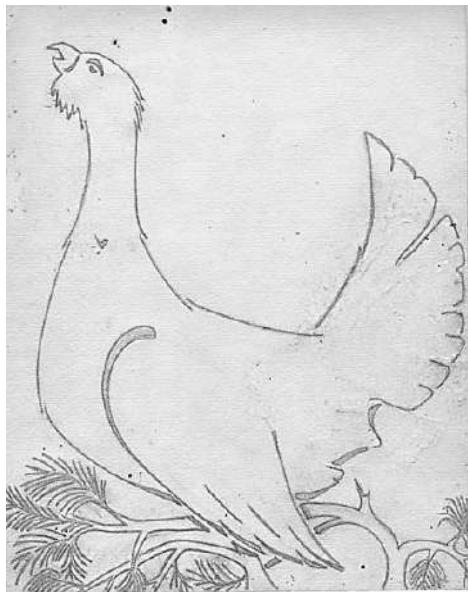
Секунды... Снова многоточье,
Затем опять металла звук...
Слух не приемлет звуков прочих,
Лишь только тот, да сердца стук.

Всё реже, реже интервалы
В потоке льющихся рулад,
И вот достиг уже накала
Возникший музыкальный ряд.

И он растёт, и наплывает
На фоне утренней зари,
А вслед за этим начинают
Петь и другие глухари.

Вот уж звенит в едином стоне
Той какофонии экстаз,
Адреналин по жилам гонит,
Как будто слышишь в первый раз.

И ты стоишь, таинством этим
И удивлён и поражён,
Забыв на миг про все на свете,
Ну и, конечно, про ружьё.

* * *

Вот и кончился сезон,
Закрываются капканы,
И весенний видят сон
Посветлевшие урманы.
Сбросив снег с могучих плеч,
Провожают нас поклоном
До зимы, до новых встреч,
До грядущего сезона.
А весёлый гомон птах
О весне предупреждает...
На открытых на местах
Следы первого притая.
Всё длиннее стали дни...
Словно дал команду кто-то-
Вновь подались глухари
На сосновые болота.
Все приметы говорят,
Что весна не за горами,
Въётся хвойный аромат
Над тайгою, над снегами.
Что-то дрогнуло в душе
В такт весеннему уставу –
Настроение уже
Стало выше на октаву.
И, конечно, потому,
Что сюда вернёмся снова,
Только сбросит лес листву,
Ляжет наземь перенова.
А когда замкнётся круг,
Те прекрасные мгновенья
Не случайно и не вдруг -
Станут вновь стихотвореньем.

**УХОДЯТ ГОДЫ
ЧУВСТВА ТОРОПЯ**

* * *

Уходят годы прочь,
В потоке лет и дней,
И бесконечна ночь
В безмолвии огней.
Лишь где-то вдалеке
Мелькнет шальной звездой,
Как в позабытом сне,
Печальный образ твой.

* * *

Порой, себя не понимая,
Судьбу ругаем и клянём,
О самом светлом забывая,
Хотим найти превратность в том,
Что раньше счастьем называли.

Но чтобы верить – надо жить,
А если жить – то нужно верить,
И мы теряемся - как быть?
Как чувства нам свои проверить,
Узнать, умеем ли любить?

У жизни нету двух концов:
Коль гибнет корень – нет и цвета.
И, даже не взглянув в лицо,
Уходим молча, без ответа,
Неся в себе немой вопрос:
Была ль любовь?
Она ли это?

(романс)

Промчалась осень, вновь зима в окно стучится,
И улетело вслед за птицами тепло,
Как будто жизни прожитой узор ложится
Замысловато на оконное стекло.
И только в памяти шумят листвой берёзы,
Напоминая мне о чём-то, о былом,
И возвращают через лютые морозы
В те годы юности, где веяло теплом.
Но это время пролетело, как мгновенье,
И не вернуть его, как Богу не молись,
Как не собрать цепи разорванные звенья
Твоей любви, что мне дарила жизнь.
И только годы, только годы, словно птицы,
Глаза закрою- пролетают предо мной.
О, как хотел бы до беспамятства напиться,
Но не вином, а только лишь тобой.
Пусть не дано нам всё начать сначала,
И не познать всю сущность бытия,
С годами ты ещё прекрасней стала,
Но холодней и сдержанней стал я.
И, может быть, однажды с покаяньем
Ко мне придёшь и тихо спросишь:
«как живёшь?»
Но после долгого, неловкого молчанья
С тобой поймём – былого не вернёшь...
И только годы вдаль умчатся, словно птицы,
Виски посеребрив своим крылом,
И никогда уже назад не возвратиться
В те годы юности, где веяло теплом.

* * *

В признании немом застыло ожиданье,
Молчат уста, лишь сердце говорит.
Не обещай в печальный миг прощанья,
Что буду я не позабыт.
Что буду в памяти я долго
Храниться, словно талисман,
Не обещай, ресницами не дрогнув,
Ведь все пройдет, к чему обман.
Без слов и без надрывной речи,
Лишь взглядом вымолвим – «прощай»,
И не назначим места встречи,
Чтоб зря себя не обольщать.
Пусть будет так, как жизнь расставит,
Все строго, на свои места,
И все же – пусть для нас оставит
Хотя бы шанс один из ста.

* * *

Как попытаться объяснить тебе,
Что невозможно жить без счастья,
Чтоб ты несла свою любовь ко мне-
Любовь – не жалкое участие.

Как научить мне, позабыть тебя,
Печали, старые обиды,
Как убедить, что нужно жить любя,
Любя, а не иметь на жизни виды.

Но чувств моих понять ты не смогла,
Как не смогла простить былое,
И, затаившись у потухшего огня,

Молчим, поникнув оба головою.

И стало ясно мне, как дважды два –
Любовь не просят, словно подаянье,
Итог печален: я один, и ты одна,
Но облегченья нет, есть лишь отчаянье.

Когда б сгорая на любви огне,
Деля со мною радость и удачу,
Ты растворилась целиком во мне,
Тогда поверю, что от счастья плачут.

О, если б было так!
Но всё иначе...

МОТЫЛЁК

Я мог бы Вас любить,
Но, право, не легко
Стучаться мотыльком
в оконное стекло,
И сколько бы ни жить –
Лечу на этот свет
В надежде рядом быть,
Но кто я? – Лишь поэт.

Вас, стоя у окна,
Не манит яркий свет,
Храните за стеклом
молчания обет.

Лишь эта темнота
Вам не даёт уснуть,
Так почему ж тогда
Окно не распахнуть?

И эту грань стереть,
Что делит тьму и свет,
Но он не скрипнет, нет,
оконный шпингалет.

Души не отогреть
Тому, кто за окном,
И в пору улететь,
Да темнота кругом.

* * *

Как сигарета на ветру

Сгорает жизни нашей пламя,
А мы по-прежнему играем
С тобой в какую-то игру,
Скользя по лезвию, по краю
И в эту сторону, и в ту,
И вдруг, сорвавшись в пустоту,
Осознаём, что растеряли
Души былую теплоту,
Лишь вдалеке надежда тает,
И свет небесный угасает,
Все погружая в темноту.

СЛУЧАЙНАЯ ПОПУТЧИЦА

В снегу застыли фонари усталые.
Перрон пустынный, вымерзший до дна,
И скорый поезд, громыхая шпалами,
Уходит в ночь, как будто в никуда.
Все окна инеем, как шторами, задёрнуты,
В вагоне сумрак и остатки сна,
А на душе все к чёрту перевёрнуто,
И пустота, одна лишь пустота.
И вот тогда, как есть, по воле случая,
Когда все кажется совсем, увы, не так,
Вам повстречается случайная попутчица,
И то, что было, вдруг окажется - пустяк.
Она вам душу отогреет разговорами,
И яркой звёздочкой сверкнёт во мгле,
Как будто вновь гармошка переборами
Вздохнула в предрассветной тишине.
И на душе уже поёт «тальяночка»
Мелодию давно ушедших дней,
И с каждым новым, промелькнувшим,
полустаночком
Она все ближе вам, все ближе и родней.
И обольщаться, вроде, нету повода,
Но этих глаз уже не позабыть.
Вдали плывут огни большого города –
Её там ждут, и нужно выходить.
Она сойдёт, и сонными кварталами
Пойдёт туда, где ласковый уют,
И только поезд, громыхая шпалами,
Тебе напомнит, что тебя не ждут.

* * *

Уходят годы, чувства торопят,
Стирая грани разочарований.
И сердце, словно бы недолюбя,
Вдруг всколыхнёт волну желаний.

И так захочется любить,
Вновь ощутить себя счастливым,
О чём-то в прошлом, может, позабыть,
И, вопреки, как прежде, стать любимым.

Года, как стрелки, вспять перевести
На 20 или 30 лет – не важно.
Но говорят: нельзя войти
В одну и ту же реку дважды.

А если так, то, значит, не резон
Зимой холодной помышлять о лете,
Когда всё ближе, ближе горизонт
В малиново-пурпурном цвете.

И только память, меряя года,
Всегда с тобой, как верная подруга,
Не позволяет раз и навсегда
Сойти с давно отчерченного круга.

* * *

*Твои глаза видны до дна,
А там, на дне – печаль одна,
Огонь задора в них угас,
Решай! Решай, настал твой час.
Испей судьбы бокал до дна,
Но ты молчишь - и вновь одна.*

И ЕЩЁ РАЗ О ЛЮБВИ

Я встретил Вас...

(Ф.И.Тютчев)

Я встретил Вас, когда огнём пылали
Костры рябин осеннею порой,
Я встретил Вас, но мы ещё не знали,
Что этот миг окажется судьбой.

Ресниц твоих пушистых покрывало
Меня манило в этот сладкий сон,
Где у любви рождается начало,
Где оба сердца бьются в унисон.

Как две реки сливаясь воедино,
Чтоб стать одной, но полною, рекой,
Несли свои мы чувства на стремнину,
Чтоб, вместе слившись, обрести покой.

И я судьбу благодарю безмерно
За вечер тот, с закатной тишиной,
И никогда мне не забыть, наверно,
Тот нежный взгляд, подаренный тобой.

Промчались годы, но в душе, как прежде,
Ещё горит рябиновый закат,
Мне возвращая ту, былую, нежность,
Как много- много лет тому назад.

ПОЭТ

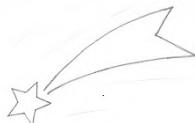
Он был поэт. Она его любила,
А он тайгу любил и шум берёз.
Когда весенний ветерок игриво
Листву ласкал, и в мире грёз
Душа его, как тень, бродила,
Она любви ждала. И капля слёз
Алмазной бусинкой застыла
В ресницах, как немой вопрос.
А он творил и жил без покаянья,
Не отвечая на её немой вопрос,
Не замечая ни мольбы и ни отчаянья,
Не понимая тех, уже остывших, слёз.
А время мчалось, истощая силы,
Судьбы слагая дни на перекос,
И на лицо, когда-то очень милое,
Морщинки ветер, как печаль, занёс.
Так не любите никогда поэтов,
В душе у них – то лето, то зима,
Вот он с тобой, и в то же время - где-то,
Ты рядом с ним, но будто бы одна.

МУЗЫКАНТ

Я музыкант. Семь нот - моё призванье,
Из них творю я музыки панно,
В нём есть любовь, есть первое признанье,
И есть печаль, забытая давно.
Есть жёлтый лист, гонимый в осень ветром,
И снегири, как капли крови на снегу,
И есть романс в забытом стиле «Ретро»,
И ожиданье на далёком берегу.
Я музыкант. Я Музе поклоняюсь,

Мы, словно нитью, связаны давно.
Я от твоей любви не отрекаюсь,
Но по-другому жить мне не дано.
И пусть летят вдаль вереницей годы,
Я знаю, мне их вспять не повернуть,
Но прежде, чем замрут навек аккорды –
Романсом новым душу всколыхнуть.
Я музыкант. Семь нот - мое призванье,
Ему сродни, быть может, волшебство,
Ведь в нем живет души очарованье –
Мелодии святое божество.

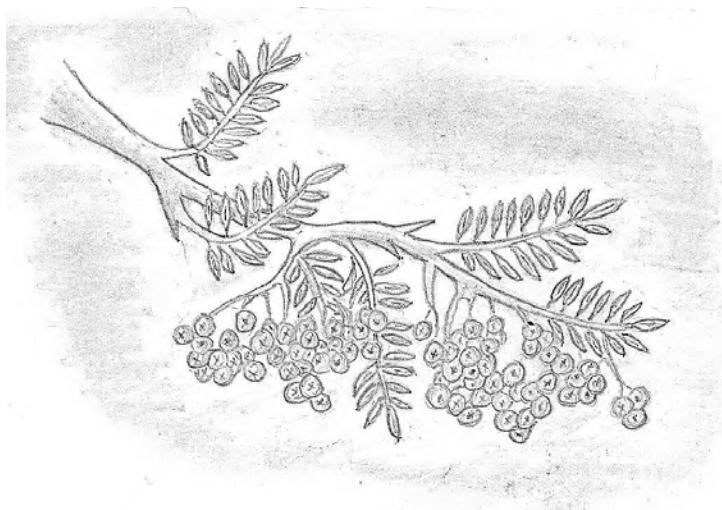
Звезда упала в небесах,
Лишь на мгновенье озарилась,
И, как в бескрайних берегах,
Среди галактик где-то растворилась.
Перечеркнув свинцовый небосклон
Мгновенно, как лучом отмщенья,
/Всему виной, как будто он/
Исчезла, не прося прощенья.
И той звезде подобные есть тоже,
Среди галактик много их,
Но та, она родней, быть может –
Большой, при малой жизни штрих.
Звезда упала в небесах,
Среди галактик где-то растворилась,
Как утром на траве роса
В лучах зари бесследно испарилась

5

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

* * *

Вот и осень пришла, смолкли лета аккорды,
Вновь задорная трель не вспугнёт тишину.
Только ветер, кружка с постоянством упорным,
Вдаль уносит опавшую наземь листву.

В этот час, когда осень листвою кружится,
Предвещая пургу и шальной снегопад,
Память жизни не раз пролистает страницы,
Заставляя нас вдруг оглянуться назад.

В те далёкие дни, где прошло наше детство,
Где начало берёт нашей жизни река,
Только как отыскать то волшебное средство,
Чтоб хотя бы на миг возвратиться туда.

Вспомнить старых друзей, позабытые лица,
С кем тебя невзначай разлучила судьба...
И душа встрепенётся подраненной птицей,
Понимая, что это ушло навсегда.

* * *

Снова осень в тайге наступила,
Листья жёлтые падают вниз.
Бабье лето... Кому ты не мило-
Этот нежности вечный каприз?

Облетают, кружатся, порхают,
Чуть дрожа на осеннем ветру,
Радость в сердце живом пробуждая,
За, природа, твою красоту.

Нет прекраснее времени года.
Увидал – и запомнил навек!
Осень – лучший подарок природы,
Жаль, что слишком стремителен бег.

* * *

Приходит осень к нам, пора багряная,
Вновь птичий путь на юг лежит,
Рябина обнажённой раною
На фоне леса листьями дрожит.
Предвестник вьюг, пурги, морозов,
Листом опавшим входит на село,
В саду поникла головою роза,
И все же – на душе светло.
Она идёт неумолимо, властно,
И все за неё пламенем горит.
А как рисует! До чего ж прекрасно!
Какой богатый красок колорит!
И, круг почёта чинно завершая,
Поля обходит, рощи и сады,
От всей души богатым урожаем
Вознаграждая лето за труды.

ЛИСТОПАД

Развесит осень паутину
На ветви елей и берёз,
И ветерок её игриво
Случайно на лицо занёс.
Обилием тепла и света
Заполнен промежуток дней –
То осень дарит «бабье лето»,
Чтоб долго помнили о ней.

Когда в январские морозы
Затянет кружевом стекло,
Как будто сказочные грёзы
Мы вспомним осени тепло.
Как шли с тобой по листопаду,
Не пряча друг от друга взгляд,
Быть может нам всего и надо-
В тот возвратиться листопад.
И память вновь вернёт, что было –
Тот отблеск нежности в глазах,
И жёлтенький листок, так мило
В твоих осевший волосах.

ОСЕНЬ ПРИШЛА

Осень пришла. Пожелтели берёзы,
Падает тихо на землю листва,
И поутру, с первым робким морозом
Инеем в травах блеснёт седина.

Тучка заплачет дождём моросящим,
Ветер резвится в ветвях тополей,
Из поднебесья всё чаще и чаще
Крики на юг полетевших гусей.

Осень прощается, душу тревожа,
Снова лишая покоя и сна,
Редким теплом мы согреться не можем-
Значит, всё ближе и ближе зима.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ ОТГОРЕЛА...

Золотая осень отгорела,
Облетела поздняя листва,
Голубое небо потемнело,
И играет ветер в проводах.

Напевает песни про метели,
Про пургу, про белизну снегов,
И про птиц, что к югу улетели
От родных и близких берегов.

Но ни снег, ни холод не остынут
То тепло родимой стороны,
Где мальчишкой бегал рыбу удить,
Разводил таёжные костры.

Край родной! Со мною ты навечно,
Моя радость и моя печаль,
Как бы жизнь не мчалась быстротечно,
И в какую бы не уехал даль.

Навсегда сибирские просторы
Сохраню я в памяти моей,
И лесов величественных створы,
Глубь озёр и тишину полей.

Пусть она всегда со мною будет,
Сохраняя в сердце то тепло,
Пусть она ничто не позабудет,
Эта память детства моего.

Нахмурилось небо осенним ненастым,
По веткам стучит нескончаемый дождь.
Он, словно все краски размыв в одночасье,
Пейзаж превратил в чёрно-белый чертёж.

Поникли, ссугуляясь, мохнатые ели,

От взора укрывшись дождя пеленой,
И птицы, спасаясь от влажной купели,
Притихли, в хвое склоняясь вековой.

И замерла, словно на вздохе, природа
В надежде, что ласковый солнечный луч
Прорвётся, пусть невзначай, ненароком,
Сквозь толщу зависших в безветрии туч...

Вот так и душа, несмотря на невзгоды,
Живёт ожиданьем прихода тепла,
Не ведая часто, что дни непогоды,
Как капля за каплей, стекутся в года.

ПРОЩАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Подгорное.

Осень.

Конец сентября.

На юг улетают последние птицы...
И я по болоту шагаю опять
К озёрам, чтоб с осенью этой проститься.
Чтоб в дальнюю даль проводить караван
Гусей запоздалых. Последние птицы
Кричат, расставаясь, родным берегам,
Что там, вдалеке, они будут им сниться.
И в крике прощальном такая печаль,
Что сердце невольно сжимается болью.
Ведь в слове «прощаться»- основа – «прощать»,
А, значит, и нам расставаться –

с любовью.

И «ижевку» молча к сосне прислонив,
Гляжу, как огромные серые птицы
Заходят по кругу, крыло завалив,
Навстречу...

и не мешаю проститься.

ЖУРАВЛИ

Падает снег, заметая упрямо
Осени светлую грусть и печаль,
Только в душе незажившую раной
Крик журавлей будет долго звучать.

Что ожидает их там, на чужбине?
Там, от родной стороны вдалеке?
Осень заставила снова покинуть
Край, что так дорог и птицам, и мне.

Им суждено одиноко томиться,
Вновь ожидая прихода весны,
И не однажды, наверно, синицей
Стать им хотелось на время зимы.

В час, когда вечер на землю ложится,
А за стеной - злая стынь и темно,
Криком по дому тоскующей птицы
Выуга к нам будет стучаться в окно

* * *

Промчалась в вальсе осень,
И вот уже метель,
На окнах снова просинь,
Узоров канитель.

Уже стучатся в двери
Морозы куржаком,
И выюга напевает
О чём-то под окном.

Но эту злую стужу
Я в сердце не пущу.
Тоска съедает душу –
По осени грущу.

6

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ – НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Веками мудрецы трудились,
Чтоб смысл жизни отыскать,
Его найти, и в чистом виде
Взять - да на блюдечке подать.

Но, видно, зря все, тщетно бились,
Лишь только мудрость извлекли:
(И то уже не зря родились)
-Что жизнь прожить – не поле перейти.

И так остался мир с проблемой
Извечной, как сама земля,
Да в разговорах вечной темой –
От января – до декабря.

Как отыскать сей жизни стержень,
Когда она, как бурная река,
То с ходу вынесет на стрежень,
То с силой вдавит в берега.

То понесёт вниз, словно Терек,
И окунёт в водоворот,
Иль просто выбросит на берег
Судьбы нежданный поворот.

Ведь жизнь – не кадры киноплёнки,
И не пасьянс, не домино,
В ней все: обеды и пелёнки,

И холод чувств, порывы страсти,
И боль, и радость, и печаль,
Взгляд вглубь себя с подобострастью,

И долг, и верности печать.

А мудрой жизни подоплèка
Она проста и на виду:
-Любить. И верить в человека.
Им быть во сне и наяву.

* * *

Время движется по кругу,
Замыкая цикл дней,
Радость встреч и боль разлуки –
Нашей жизни карусель.

И летит она, вращаясь,
Как стремительный поток,
Постепенно превращаясь
В тихий плавный ручеек.

В те короткие мгновенья,
Что в душе оставят след –
Неразорванные звенья
Той цепи ушедших лет.

Пронесём мы их сквозь годы,
И безликая печаль
Не замутит эти воды,
Что уже умчались вдаль.

И в душе опять тревога
Не посеет суеты,
В ней всего есть понемногу,
Только нет там - пустоты.

Не забытые друзьями,

Не чужие для родных -
С круга мы сойдём с годами,
Путь другим освободив.

Только хочется, чтоб время,
Замыкая новый круг,
Тем, грядущим, поколеньям
В дверь вошло, как Добрый друг!

ТАЁЖНЫЕ ПОСЁЛКИ

Сибирь. Таёжные посёлки –
Былая слава прошлых лет.
Здесь раньше пилы пели звонко,
Вгрызаясь в гущу лесосек.
Неторопливо, величаво
Вступал в природу человек-
То поднимался над державой
Лесной промышленности век.
Гудели день и ночь моторы,
В тайгу прокладывая след,
Которая с немым укором
Притихла в ожиданье бед.
Казалось, навсегда, навеки
Посёлки строились, дома,
И на деляны, лесосеки
Разбита хвойная тайга.
И кубометры, кубометры
Той дерзкой поступи цена.
И километры, километры-
Всё выруба и выруба.

Но там, за каждым кубометром
Стояла чья-нибудь судьба,

Их путь был истовым и светлым,
Но вот, действительно... судьба.
Они работали, любили,
И свято верили, что жизнь
Они свою не зря прожили,
Так и должно, пожалуй, быть.
На смену дети подрастали,
Вступая в лесосечный мир,
Но в том пути великой славы
Уже наметился пунктир.
Уж по стране безумной тройкой,
Всё ускоряя свой разбег,
Вершила «чудо-перестройка»
Лихой мамаевский набег.
И как-то сразу непосильным
Стал всем давно привычный груз,
И развалился тот стабильный,
Могучий некогда Союз.
В небытие скатилась слава,
Исчез призывный транспарант,
И встал, что раньше не бывало,
Лесопромышленный гигант.
Былые кубометры тенью
Легли статистике на стол...
Да, те два славных поколенья
Судьбе сданы на произвол.
Уж все не так, как было прежде,
(Беда приходит не одна),
И ждёт, лишённая надежды,
Лесных посёлков тишина...

Сибирь. Таёжные посёлки –
Былая слава прошлых лет.
Среди усов, дорог, околков,
Давно забытых лесосек,

Глядят печальными глазами
Оконных потемневших рам
На порыжевшие с годами,
Остовы мёртвых пилорам.
Их, разметённая, как ветром,
Печальна участь и судьба,
Лишь километры, километры—
Всё выруба, да выруба.

СПАСИ И СОХРАНИ

Спаси и сохрани... Мы просим Бога,
Когда на нашем жизненном пути
Вдруг пропастью кончается дорога,
И луч надежды гаснет впереди.
Лишь только нам судьба подставит ногу,
И груз грехов потянет нас ко дну –
Мы сразу вспоминаем Бога,
Чтобы помог, отвёл от нас беду.
Спаси, Господь, от равнодушья душу,
От ненависти, злобы огради,
Не дай, что уже создано, порушить,
И выжить в этой жизни помоги.
Спаси, Господь, Великую Россию
От нищеты, бесправия и бед,
И не лиши нас разума и силы,
Не погаси надежды добрый свет.
Мы снова, снова просим Бога,
И этим просьбам не видать конца,
Но в нас грехов, пожалуй, слишком много,
Коль нет ответа даже от Творца.
Ведь даже Бог – он тоже не всесилен –
На каждого не хватит доброты,
И сколько бы его мы не просили –
Лишь сами мы – творцы своей судьбы.

Нет, я не против упований к Богу –
Пусть нам поможет выбраться из тьмы.
Но, кажется, что просим слишком много,
Исправить то, в чём виноваты- мы.
Так и живём, себя не понимая,
Не думая, что будет впереди.
И панацеей от всех бед считаем –
Так проще нам –
Спаси и сохрани!

* * *

Когда прервётся жизнь моя,
Души залечивая раны,
Не сожалея, не скорбя,
Молить тебя не перестану:
Прими как сына, Мать Земля,
А если пасынком я стану –
Навеки прокляни меня.

* * *

Я ненавижу мир в таком обличье,
В каком он есть (пусть сам я не святой),
Где мы, живя как на базаре птичьем,
Клюём друг друга, и чужой бедой
Воспользовавшись, пальцем тычём
В другого, говоря, что он такой.
Да, мы добреи и мудреи не стали,
Хотя и связаны одной судьбой,
Как волки, поделясь на стаи,
Друг друга рвём, устроив бой.
Но даже тех порой объединяет
Страх перед общею бедой.
Она идёт. Она не за горами...

ОЧАГ (притча)

Мужчина – то очаг под крышей, чтобы споро
Ненастье не могло огонь в нём погасить,
А женщина – дрова в том очаге, в котором
Обязана гореть, и в нём тепло хранить.

Но если тот очаг дымится еле-еле,
И не хотят дрова гореть в огне,
Причины две: дрова не в меру отсырели,
Иль крыша потекла, и быть беде.

Огонь погас. Над очагом позёмка вьётся,
Не за горами в доме том зима.
И так всегда: где тонко – там и рвётся
Лишь потому, что нет в душе тепла.

А чтобы в жизни избежать такого,
Уменья много нужно приложить,
(а, значит, есть резон предположить):
-У крыши быть должна надёжная основа,
чтобы под ней всегда дрова сушить.

«ДОСКИ СУДЬБЫ» ***по В.Хлебникову***

Доска судьбы...
Она, как плаха эшафота,
Предначертала нашей жизни путь.
К чему взлетать, когда известно- кто ты,
Когда и где дано навек уснуть.
И суждено ли посетить тот «остров»,
Где души заселились всех творцов,
Когда судьба, как тлен, ложится остро

Ещё при жизни на твоё лицо.
Когда рождение – конец начала,
А смерть – являет новой жизни путь.
Доска судьбы... Она, как лодка у причала,
Чтобы уплыть – то нужно оттолкнуть.
Перечеркнуть, разрушить тлен и время,
Шагнуть в небытие, чтоб стать творцом,
И, не сгорев в той «огненной геенне»,
Уйти на 365 лет вперёд.
Чтоб вновь родиться, но в другом обличье,
Свободным от житейской суety...
Но лик твой на надгробье мозаичном
Проявится опять...

Доска судьбы.

* * *

Пятьдесят – не шестьдесят,
Шестьдесят – не девяносто.
Если посмотреть назад –
Всё теперь легко и просто.

Позади - усталость лет,
Страсти, разочарованья,
Впереди – лишь добрый свет –
Время мудрости, познанья.

Пусть помчались годы вниз,
Кто сказал, что это старость?
Просто- это бенефис –
Прицениться, что осталось?

Чтоб свой жизненный багаж
Вновь потратить, только с пользой,

И не вылететь в «тираж»
На дороге жизни скользкой.

Жить! И веры не терять,
Чтобы с вами не случилось,
И с тоской не ожидать
Новый день как «божью милость».

И тогда, поверьте, вам
Этот груз совсем не в тягость,
Неподвластны вы годам,
Сколько бы их не осталось.

Главное – не забывать:
Жизнь – она всегда прекрасна-
В шестьдесят и в двадцать пять,
Лишь бы только не напрасно!

* * *

Я ухожу, но не прощаюсь –
Я обязательно вернусь,
Сюда всегда я возвращаюсь
Развеять здесь печаль и грусть.

Чтоб снова дать душе свободу,
Чтоб вспомнить юности полёт.
И память те былые годы,
Давно ушедшие, вернёт.

Мелькают кадры, эпизоды,
Как в старом и немом кино.
И все печали и невзгоды,
Как груз, улягутся на дно.

Как книгу, жизнь свою листаю,
Мне этих лет – не позабыть,
И вдруг подспудно понимаю,
Что только начинаю жить.

* * *

Главное в жизни что? –
Добрый оставить след.
Это, увы, нелегко -
Стремителен жизни бег.

Её не воротишь вспять.
И вот он, рубеж, уже-
Так, не успев понять,
Что у тебя в душе.

Будет шуметь листва,
Будет звенеть капель,
Но ни к чему слова-
Время закрыло дверь.

ЧЕМПИОН ОСТРОВА

«Да что там крылья, хвосты...
ноги- вот главное»

(из мультфильма)

Эту историю мне поведал мой давний друг, когда работал лесничим в таёжном посёлке. Было это в начале 80-х годов. Мне она запомнилась именно потому, что сам сюжет происходившего был до того захватывающим, равно как и неправдоподобным, что больше смахивал на охотничью байку, но настолько будоражил воображение, что не поверить ему я просто не мог.

Стоял конец сентября. Чудесный осенний день располагал к дальнему походу, и они с мастером, захватив по паре собак, отправились в лес. И, так уж совпало, что именно в это время прошёл слух об аномальных явлениях на Кедровом острове (известном под названием Могильный Мыс). Оказавшись неподалёку, они тоже решили удовлетворить своё любопытство. Преодолев участок галеи, и, изрядно взмокнув, подошли к острову. Выглядел он действительно внушительно и загадочно. Могучие кедры, растущие на острове, закрывали от дневного света внутреннюю его часть, придавая сказочно-тайинственный вид. «Давай чайку попьём в этом «царстве Берендея», - предложил мастер. Поднявшись на остров и найдя небольшую полянку, развели костерок. Собаки тем временем рванули обследовать остров. Едва подвесив котелок над костром, услышали истошный визг, эхо от которого, гуляя под кронами мощных кедров, будоражило воображение и гнало адреналин в кровь.

Визг стремительно приближался, и вот он уже совсем рядом – напряжение достигло апогея. И в это мгновение на поляну вылетает здоровенный заяц, за ним, наступая ему на пятки, гонятся четыре собаки, визжа, как оглашенные. Заяц мчался с такой огромной скоростью, что, казалось, ещё секунда- и он запрыгнет прямо в костёр. Но в самый последний момент, сделав невообразимый кульбит, а точнее сальто, в несколько оборотов, он перелетает через костёр и, не снижая скорости, мчится дальше по острову.

Собаки, едва не сбив своих хозяев и чудом не угодив в костёр, проносятся мимо. Всё происходящее было настолько стремительным и неожиданным, что с трудом поддавалось восприятию. Единственное, что чётко зафиксировала память – заяц был такой здоровый и мускулистый, словно он занимался культивизмом. Шум погони постепенно удалялся и звучал уже где-то на другой стороне острова. По мере падения адреналина в крови возвращалось и чувство реальности происходящего, вытесняя из души остатки мистического суеверия.

Тем временем шум погони нарастал, становился всё ближе и ближе, и на поляну снова вылетел заяц. Как и в прошлый раз, чтобы не оказаться в костре, заяц делает тот же кульбит и снова мчится по тому же кругу. Следом мчатся собаки. Всё повторилось до мельчайших подробностей. Мужики, глянув друг на друга, закатились истерическим смехом. Шум погони удалялся. Нахохотавшись вволю и вытерев слёзы, они снова уселись у костра, всё ещё не веря происходящему. Но что это? Шум погони нарастал.

Оба заворожено смотрели в ту сторону. Неужели? И, словно презрев все законы логики, на поляну снова

вылетел заяц. Совершив очередной кульбит, вновь помчался вдоль острова.

Следом выскоцили собаки. Пролетев мимо костра, две, не снижая скорости, погнались за зайцем, остальные упали у костра, тяжело дыша. Лесники опять повалились от хохота. Кое-как уняв смех, они обессилено сидели у костра. Но шум приближался вновь... Это было НЕЧТО. Мужики суеверно перекрестились. Да нет, так же не бывает! Но, вопреки всему, заяц вылетел снова. Собаки, лежавшие у костра, бросились ему навстречу, но он выдал такой прыжок, что перелетел разом через собак и костёр и вновь помчался дальше. Собаки столкнулись. Теперь уже все четыре лежали у костра, тяжело дыша.

Вода в котелке закипала. Мастер достал пачку чая, намереваясь заварить, но тут на поляну опять вылетел заяц, замыкая очередной круг. Он проскочил мимо всего в двух шагах от костра. Собаки не тронулись с места... В этом было что-то мистическое. В их взгляде просматривалась какая-то отрешённость, смешанная с безысходностью. Разум с трудом воспринимал происходящее. Было уже не до смеха.

И вдруг мастер быстро снял котелок и вылил его на уже догорающий костёр, так и не заварив чай. Мой друг вопросительно посмотрел на него. «Пойдём отсюда», - тихо сказал мастер, - «это его остров».

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель! Если Вы дошли до этой страницы, значит, дочитали эту книгу до конца, и Вас тоже что-то тревожит.

Я не профессиональный поэт, это лишь мои размышления о жизни, о нашем предназначении на этой земле. Природа – это одно из тех немногих звеньев, связывающих прошлое, настоящее и будущее в одно целое, именуемое словом - жизнь. Я не верю, что человек, способный восхищаться восходом зари и поднимающий глаза к небу,

услышав журавлиный крик – может начать войну. Именно отношение человека к природе закладывает в нем основу его души, делает добрее, человечнее.

Любите природу, постарайтесь сохранить хотя бы то, что осталось, ведь она – будущее нашей планеты.

С уважением А. Кривоносов

Александр Максимович Кривоносов

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТАЁЖНОГО КОСТРА

В книге использованы рисунки автора

Компьютерная графика Сандакова Т.К.,

Нургалиева В.В.

Тираж 500 экз.